

Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 10 февраля
1978 г.

г. Москва

Эстрада

СЕКРЕТ МАСТЕРА

Есть такой старый фокус: артист-манипулятор рвет газету в клочки, мнет в кулаке, а потом разворачивает — и газета цела. Далее фокусник популярно объясняет, что никакого волшебства тут нет: просто комок из обрывков он подменил другим, спрятанным до времени в рукаве. А когда зрители, негаданно приобщенные к сокровенной тайне, удовлетворенно откладывают на спинки кресел — мол, поди-ка теперь, удиви! — артист с улыбкой рвет и эту вторую газету, комкает клочки и разворачивает нисколько не пострадавший лист...

И вот лишь тогда-то, наверное, мы начинаем понимать, что перед нами не только отточенная техника, а подлинное искусство. Потому что только у подлинного искусства есть такая особенность: все вроде бы просто, понятно, не-принужденно, доступно абсолютному большинству. Но есть еще какое-то неуловимое «чуть-чуть», творческий, если хотите, магический, секретик, и именно он-то более всего и привлекает...

В эстрадных номерах, этюдах, миниатюрах, поставленных Сергеем Андреевичем Каштеляном, казалось бы, все просто. Ну, например, «Вечное дви-

жение» в исполнении А. Беренштейна: жонглер и мим в одном лице безупречно и темпераментно работает под фонограмму «Время, вперед!» Г. Свиридова. Или «Золушка» С. Власовой и О. Школьниковой — пантомима и акробатика на высочайшем уровне лиризма. «Хоккей» А. и А. Грищенковых — пантомима, акробатика, эксцентрика. «Танец с гитарой» В. Микитченко — пантомима, эксцентрика, танец, жонглирование. (К слову сказать, все эти исполнители на последнем, VI Всероссийском конкурсе артистов эстрады стали лауреатами и дипломантами...)

Все просто, все понятно в этих номерах, а смотришь их как завороженный. Почему?

Драматургическая цельность и завершенность номера (каждая миниатюра — это микроспектакль с фабулой, завязкой, кульминацией, развязкой?) Да. Удивительно точный подбор фонограммы (у Каштеляна фонограмма не «украшает» номер, а несет основную драматургическую нагрузку?) Да. Но главная отличительная особенность всех его работ — это синтез, синтез различных эстрадных искусств в одном номере, мало того — в одном исполнителе.

Почти всегда в этюдах Каштеляна присутствует пантомима. Но вряд ли правильно называть его «режиссером пантомимы». Потому что пантомима для него — не цель, а средство, если так можно выразиться, «универсализации» актера. Другими словами, Каштельян воспитывает актеров, которые в идеале должны уметь делать практически все. Как это умеет, кстати, и сам Каштельян, который был и пианистом, и руководителем джаза, и клоуном, и акробатом, и фокусником, и кукольником, и пантомимистом.

Вот здесь мы и подходим к главному предмету нашего разговора. Я сказал: «воспитывает актеров». Именно воспитывает, потому что просто «поставить», отрежиссировать номера такого рода невозможно: они готовятся годами. Готовятся в Государственном училище циркового и эстрадного искусства, где Каштельян работает уже более 20 лет, готовятся и вне его. Уже более тридцати учеников Сергея Андреевича стали лауреатами и дипломантами различных конкурсов, смотров, фестивалей.

Поэтому давайте забудем эти, хоть уже и примелькавшиеся, но все-таки не совсем справедливые слова: «режиссура Каштеляна». Будем говорить «школа Каштеляна», потому что, несмотря на отсутствие помещения и вывески, она все-таки есть.

В. ГУРИЛЕВ.